

A dramatic scene of a stone fortress with a glowing beam of light and military trucks. The scene is set in a dark, atmospheric environment with a warm, golden glow. A large, multi-story stone building with crenellated towers and a central arched doorway dominates the background. A bright, vertical beam of light descends from the top of the frame, passing through the archway and illuminating the scene. In the foreground, three military-style trucks are driving on a dirt road. The central truck is the largest and most prominent, with its headlights on. Two other trucks are visible on either side, slightly behind and to the left and right. The overall mood is one of mystery and adventure.

ПУСТОШИ АЛЬТЕРРЫ ТРИАЛ

Пустоши Альтерры

Александр Казанцев

Пустоши Альтерры. Триал

«ИП Головин»

2026

Казанцев А.

Пустоши Альтерры. Триал / А. Казанцев — «ИП Головин»,
2026 — (Пустоши Альтерры)

Это самостоятельный приквел спин-офф основной вселенной Пустоши Альтерры, за 20 лет до событий основной серии, его можно читать без прочтения всех книг. Авторский мир, где в огромной Пустоши выжили три города крепости, расположенные огромным треугольником. Между Форпостом Зеро и городом Вулканисом есть кусок трассы, который все стараются проскочить, не глядя по сторонам. Там рвут караваны, сходят с ума в аномалиях и пропадают целые рейсы. Порш, вольный караванщик, вместо того чтобы уйти в тёплый город, вцепляется именно в этот просвет между мирами и пытается превратить его в точку опоры. По мере того как в воротах начинают мелькать чужие машины, становится ясно: маленькая база в Пустоши вдруг стала интересна всем крупным игрокам Альтерры. Это история не про героизм, а про выживание и расчёт: как один упрямый командир, его люди и дряхлый разрушенный форт пытаются занять своё место между силами, которые привыкли решать, кто здесь имеет право жить.

© Казанцев А., 2026

© ИП Головин, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Казанцев

Пустоши Альтерры

Триал

Глава 1

Зов

Город давно растащило до коробок с выбитыми внутренностями и слепых проёмов, открытых ветру. Ближе к трассе несколько многоэтажек просели полукольцом, не доведя движения до конца; уцелевшие два-три этажагодились под жильё.

На растресканной корке асфальта стояло железо. Полтора десятка машин на пироцелии – броневики с просевшими бортами, тягачи, пара перекошенных ещё до прихода сюда вездеходов. К вечеру металл отдавал накопленный за день жар, стёкла подёргивались мутной плёнкой, и пустошь метила всё, до чего могла дотянуться.

В бетонных сотах над стоянкой обживалось тридцать человек. Лестничные пролёты местами заложили ящиками и жостью, оставив боковые лазы; чем выше, тем безопаснее, потому что твари не лезли в верхние этажи, добычи им хватало внизу, за границей этого странно пахнущего места. Штаб устроили в провале с выломанной наружной стеной: пол выстлали поддонами и листами обшивки, в угол сбили спальники, у двери поставили две бочки с водой, на ободке которых углём чертили деления. Мешки с провизией стягивали ремнями и прошивали заново – мелкая дрянь прогрызала ткань за ночь, если не следить.

В котелке настаивалась горькая сухая трава с привкусом, который не вымывался из языка до утра. Ею здесь глушили сон и перебивали песчаную оскомину; кружка ходила по кругу, и каждый отпивал молча. Разговоры стихли, потому что всё уже было сказано не по разу.

Почти неделю пустошь молчала.

Раньше лагерь жил рывками: голос в рации, и вниз к машинам, выход колонной, пыль до неба, кто-то горит на обочине или отстреливается из кузова. Вытащить, погрузить, отбуксировать, вернуться в эти бетонные рёбра и латать железо и людей. Слух давно пополз по трейлерам, что между Зеро и Вулканисом, в Мёртвом Городе, поселилась стайка, которая вытащит, когда больше ждать неоткуда; работы должно было хватить на годы. А теперь эфир молчал так, будто их забыли.

Порш прошёл по коридору, где вдоль стен громоздились рюкзаки, бронеплиты, оружие в чехлах и без. Лампа на скрутке провода горела через раз, генератор внизу доедал последнюю соляру. Воздух стоял густой от металла, пота и травяного чада, и поверх всего висела невесомая пыль, которую здесь давно перестали замечать. Этажом ниже техник ковырялся в подвеске вездехода, коротая время.

У пролома Порш остановился. Стоянка просматривалась целиком: машины в тени мёртвых коробок, гора покрывшек, вросший в землю информационный щит, подпёртый балкой; его таскали как заслон. На крыше головного тягача болтался выцветший лоскут с эмблемой Гильдии – знамя, которому здесь давно никто не присягал, но снять его так и не поднялась рука.

Те, кто привык жить дорогой, от пустых дней портились быстрее, чем от жары, ржавели изнутри. Двое старших мехов засели в соседней комнате, рисовали на стене огрызок трассы углём и гоняли цифры по кругу: топливо, расход, маршруты отхода. Если база накроется, уходить придётся в одну ночь, и лучше знать куда, чем выяснять под огнём. Еды оставалось на неделю, если резать паёк до голодного минимума, а любой выезд откусит ещё день, а то и два.

Связь устроили в дальней комнате, на месте бывшего шкафа: бетонный пол, три рации, доходящий усилитель, батарейный блок с проводами к самодельной антенне на крыше. Стены были исписаны кольцами маршрутов, позывными и зонами, куда добивал сигнал; между линий скалились белые клинья мёртвых районов, откуда редко возвращались.

Щуплый радист врос в стол. Наушники вдавились в череп, тонкий эфирный зуд проникал в кость и там гнезвился, ладони лежали на корпусе приёмника, пальцы машинально двигали частоту вверх и вниз. Вокруг жил лагерь своей глухой жизнью: наверху роняли что-то тяжёлое, внизу стучала кувалда, с балкона тянуло дымом и доносился смех – уже привычка, не веселье.

Порш притёрся плечом к косяку. Радист качнул подбородком: пусто. Порш нащупал пальцами край стола, грубый срез впился в кожу, и боль вышла почти приятной, хоть что-то настоящее. Машины стынют, люди киснут, запасы тают.

Генератор гудел за окном, хлопнула где-то железка, короткий смешок оборвался, не успев родиться. А потом эфир дрогнул.

Из динамика выдрало резкий железный скрежет, и радист подался вперёд всем телом, позвоночник натянулся струной. Приёмник ответил хрипом, сквозь который полезли слова.

– Подъём, черти! – голос Порша резанул поверх треска. – Кто-то в залупу влез. Поможем и харчей возьмём.

Он дёрнул подбородком к аппаратуре.

– Давай, паря. Тяни.

Радист вцепился в ручку и почти лёг грудью на стол. Эфир упирался, шипел, потом сдался: сквозь шум прорезалось «...атака...», «...прикрыть...», очередь цифр, обглоданный топоним. Пальцы уже летали по карте.

– С Альдены идут. Сектор между третьей и четвёртой вешкой, там их и прижали.

Снаружи давил полдень, кромсая пыль на ломти в пустых проёмах. Земля ещё не успела напитать жар, а люди в лагере уже измаялись от безделья – лучший час, чтобы влезть в чужую драку.

– Боевая готовность!

Голос ударил в бетон и вернулся гулким эхом. Через лагерь будто пропустили ток, два дня напряжения искали выход и нашли. Спальники полетели к стенам, кружки с недопитой горечью швыряли следом, кто-то опрокинул котелок, и трава зашипела на бетоне. Бронеплиты захлопали по рёбрам, магазины с лязгом пошли в разгрузки, по лестнице вниз загрохотали ботинки, сыпля бетонную крошку на головы тем, кто бежал следом.

Между мёртвых коробок просыпались машины.

Первым дёрнулся багги-разведчик – низкий хищный каркас на толстых шинах, кабина открыта ветру и пулям. Двигатель провернулся с хрипом, сплюнул сизым дымом и пошёл набирать обороты, подрагивая корпусом. За ним выползли два джипа с турелями, и стволы под чехлами развернулись, приносясь к раскалённому воздуху. Экипажи на ходу подтягивали ленты, кто-то по привычке хлопнул ладонью по каркасу брони. Чуть поодаль завёлся технический грузовик, обвешанный ящиками, канистрами и тросами; пирометрический блок в его брюхе зарычал утробно, пока мех подстраивал режим. Последним из тени под аркой выполз «автобус» – длинная фура с бронированным прицепом на жёсткой сцепке, борта в свежих стальных швах. Внутри пробежался кто-то, проверяя крепления носилок и ящиков, чтобы на кочках не убило своих же.

У подъезда Порш остановил поток коротким жестом.

– Пять машин в рейд. Остальные держат крышу. Лагерь не бросать.

Он спустился последним и положил ладонь на борт ближайшего джипа. Металл гудел и отдавал готовностью сорваться. Строй замер перед ним, моторы ревели вхолостую, пыль уже закручивалась вокруг колёс.

– Вперёд, – и машины вылетели из провала.

Шоссе давно перестало быть трассой: трещины, выбитые плиты, провалы голого щебня. Шли пятьдесят при норме тридцать, и каждый километр такой гонки сжирал подвеску, резину и нервы, которые потом не вернёшь. Но в секторе между третьей и четвёртой вешкой у кого-то заканчивалось время.

Джип под Поршем жил собственной злой жизнью: прыгал, влетал в ямы так, что зубы клацали, перескакивал бетонные швы, от которых позвоночник сжимался в кулак. Двигатель был ровно и зло, не жалуясь и не прощая. Впереди багги слепил пылевым хвостом, за ним держались второй джип, техничка, «автобус» – колонна вытянулась железной нитью по мёртвой дороге.

Порш вёл, упершись лопатками в спинку и держа руль пальцами, не ладонью. Так легче ловить занос: короткими точными движениями, договариваясь с машиной, а не ломая.

«Кто там? Рейдеры? Могли – Альдена сладкое место, желающих пощипать хватает. Твари? Здешние подвалы кишат дрянью. Хуже всего, если свои со своими не поделили: тогда те, кого вытащишь сегодня, завтра вцепятся в глотку.»

Рация на панели захрипела. Порш крутанул громкость, стукнул по корпусу костяшками, и хрип треснул, выпустив голос – сбивчивый, срывающийся в визг:

– ...колонна... заднюю... держать... твари... по обочинам... повторяю, твари...

Вторым слоем влез дежурный из лагеря, пытался удержать линию. Ответ шёл рваными кусками, и картинка собиралась. Караван рвали не люди.

Скорпы. Дрянь размером чуть меньше дворовой собаки, с клешнёй вместо хвоста, заточенной до бритвенного безумия; ночью забивается в южную часть мёртвого города, по подземкам и провалам, днём выползает на охоту. Шину рвут, как тряпку. Любят залечь поперёк дороги, сплющиться, прикинуться камнем; переедешь, хрустнуло под колесом и подумаешь, что щебень, а через секунду тварь уже стянулась обратно и прыгает на задний мост. Работают по последним: пересаживают под отбойниками, ждут, пока голова колонны пройдёт, и рвутся к замыкающей машине – за борт, за резину, за всё, до чего дотянутся.

Радист на заднем сиденье прижал гарнитуру:

– ...хвост... держатся на хвосте... встала... жрут...

Порш выругался сквозь зубы, картинка сложилась. Этих пережить можно, если не зевать и не влететь носом в засаду; метров за сто-полтора ста разнести в крошево, и дальше уже проще.

– Слушайте сюда, – он вжал кнопку рации. – Там скорповые ублюдки. Переставляемся. Техничка, автобус, в хвост. Багги в центр, работает глазами. Джипы в авангард, чистим дорогу.

Колонна зашевелилась на ходу. Багги сдал назад, перепрыгнул через трещину и вклинился между джипами и техничкой; грузовик тяжело перевалился к хвосту, за ним, рыча пирометром, двинулся «автобус». Пыль встала стеной, на секунду закрыла горизонт, и в буром облаке проступили силуэты чужого боя.

– Сбрасываем до пятнашки, – бросил Порш. – Подходим мягко. Стрелкам на прячь глаза, эти твари из песка делают одеяло.

Скорость сползла вниз, колёса перешли на тягучее качение по разбитому полотну. Джипы выстроились клином, багги держался между ними, готовый рвануть вперёд или в сторону, смотря откуда прилетит; сзади техничка с «автобусом» шли плотной парой. Рация выплюнула последние обрывки чужого боя – крики, мат, надсадный стон моторов, гоняемых на износ.

Стрелки на турелях вросли в прицелы. Трасса лежала одним цветом, серо-жёлтым, и отличить тварь от дороги было нечем. Кто-то уже провёл стволом по сектору, примеряясь.

– Движение, – бросил стрелок с правого джипа.

Метрах в двадцати щебень дрогнул, по пыли прошла едва заметная волна. Стрелок дал очередь не дожидаясь команды, и оттуда, взорвав песок, вылетела тварь. Хитин блеснул матовым, хвост с клешнёй хлестнул воздух. Пули швырнули её на спину; лапы заскребли пустоту,

клешня щёлкала, пока тело не поняло, что уже мертво. Слева почти одновременно сорвался второй, целясь на переднее колесо, но крупнокалиберный с левого джипа уже ждал – короткая злая очередь, и на дороге остался тёмный комок, который попытался перевернуться и сдуться.

Дальше в песке замелькали тени по всему полотну. Хрустели панцири, серые силуэты выскакивали из-под отбойников и из-под трухлявых обломков. Стрелки работали без пауз, короткими отсечками, чтобы не перегреть ствол; пыль взлетала столбами и мешалась с пороховым дымом, гильзы сыпались под ноги и звенели о металл. В воздухе стоял сладковатый тошнотный запах горелого хитина.

Одна тварь всё-таки вцепилась клешнёй в защиту багги. Железо загудело, машину повело, пилот вывернул руль и дал стрелку угол; тот всадил очередь в брюхо в упор, панцирь лопнул, и чернота брызнула на защиту густыми плевками. Ещё одна поднырнула под задний мост джипа, но её перехватили с технички – стрелок перегнулся через борт, выгнув спину дугой, и срезал зверюгу, пока та не сомкнула клешню на чём-нибудь важном.

Впереди, в пыли, проступила чужая колонна, разбросанная по трассе как кости после неудачного броска. Три пузатых от ящиков грузовика стояли дугой, один завален набок, носом в кювет. Рядом лежал их единственный джип прикрытия – крышу сорвало, лобовое пробито, двери отогнуты наружу. На броне и по кабине расползались тёмные пятна, шевелился хитин. Скорпы уже доедали тех, кто пару минут назад держал оборону.

Из уцелевших кабин нёсся истеричный, захлёбывающийся мат. Кто-то орал в эфир «помогите», другой уже просто выл на одной ноте. Клешни стучали по металлу, цеплялись за зеркала и арки. Одного водилу вытащило наружу – туловище застряло в проёме, ноги дёргались над дорогой, а на уровне груди смыкалась серо-чёрная куча. Клешня щёлкнула, хруст вышел короткий и мокрый, и человека разломило пополам. Вой превратился в бульканье и стих.

– Граники вперёд, – Порш ткнул пальцем через лобовое. – Пироцелиевые, не экономим. По скоплениям, не по одиночным. Чтоб вокруг фуры ни одной живой туши.

Двое бойцов отцепились от джипа и под прикрытием машин перебежали ближе. За спиной у каждого трубчатые стволы, на ремнях матерчатые сумки с тяжёлыми цилиндрами; такие гранаты тратили только когда без них никак – на скорпах это сходилось. Первый расчёт опустился на колено у обочины, прикинул прицел, поправил угол. Щелчок предохранителя, сухой стук отдачи; граната прочертила короткую дугу и врезалась в скопление скорпов на перевёрнутом джипе.

Пироцелий рванул бело-голубым факелом. Вспышка облизала панцири, хитин затрещал, лопаюсь от жара, чёрная масса под ним зашипела и потекла. В воздух ударило горелым хитином и плавленными внутренностями.

Второй граник отработал чуть дальше хвоста перевернутого грузовика, где твари обложили задний мост. Взрыв поднял тучу пыли и обугленных конечностей; несколько скорпов попытались отползти, волоча хвосты по камню. Стрелки с джипов дочистили их короткими очередями. Живых рядом с фурами не осталось, редкое шевеление подалеже добились без эмоций, чтобы ни одна тварь не дёргалась.

В чужих кабинах крики стихли, остались хриплые всхлипы и рваное дыхание. Люди там медленно понимали, что мясорубка кончилась.

Порш прикинул расклад. Три фуры, набитые жратвой из Альтерры, один убитый джип прикрытия и куча выбитых нервов – эти торговцы отдадут что угодно, лишь бы им открыли дорогу домой и поставили колёса обратно. Целая фура еды закроет собственный голод на пару месяцев, и ещё останется отсыпать местным одиночкам, тем, с кем стоило дружить; за нормальный продукт здесь меняли хабар и стволы не торгуясь.

Но это потом. Сейчас начиналась часть, которую Порш не любил, – ремонт на открытой полосе. Полдень, ни тени, ни укрытия, вокруг дымящиеся туши и выжженный песок. Звук

стрельбы прокатился по каменным грядам на километры, а пироцелиевые вспышки видно ещё дальше. Всё, что шлялось поблизости и любило лёгкую добычу, уже тянулось сюда.

Техничка выдвинулась вперёд, порыкивая двигателем. Мехи начали выгружаться – домкраты, тросы и ящики полетели на раскалённый камень. Стрелки заняли круговую оборону, стволы пошли по горизонту медленно, не пропуская бугров. Полчаса трасса жила только звуками экстренного ремонта: домкрат тянул машину вверх и скрипел так, будто вот-вот лопнет, ключи стучали по ступицам, кто-то ругался из-под фуры, приложившись затылком о железо. Запах горелых тварей въелся в раскалённый асфальт и не собирался уходить.

Новые твари объявились с гряды. Стрелок на правом джипе первым заметил, как на каменном гребне что-то коротко дрогнуло и легло обратно в песок; потом ещё одно движение, ниже, ближе к дороге. Через минуту картина сложилась – вокруг них по широкой дуге, метрах в ста, шло шевеление. Хитиновые туши обходили место бойни по кругу, не приближаясь, но и не уходя, приносиваясь к дыму и крови.

– Живность подтягивается, – бросил стрелок в общую сеть. – Держатся на дистанции.

В лоб они не лезли – гарь от своих, видать, отбивала охоту, – но кружили в песке, иногда выбрасывая хвост, иногда приподнимаясь на лапы. Винтовочные щелчки отсекали самых наглых: стоило какой-нибудь твари попробовать подползти ближе, её отпугивали выстрелом. Патроны уходили по одному, без суеты, ровно столько, чтобы кольцо не сомкнулось раньше времени.

– Да вы на дорогу смотрите, не на нас, мать вашу! – мех, распластавшийся под фурой, выкрикнул сквозь зубы. – И так этот мост сраный еле собирается, а тут вы ещё над душой палите!

– Руки из задницы вытащи, тогда и соберётся, – отрезал второй, удерживая деталь на весу. Пот катился по щекам, капал на раскалённый металл и шипел; пальцы не чувствовали граней болтов, кожа стёрлась до красного.

Каждый хлопок винтовки резал воздух коротко и сухо. Гильзы звенели о металл кузова и скатывались на дорогу. Стрелки менялись по очереди. Твари отвечали тишиной и скрежетом хитина о камень, ждали, когда люди ошибутся.

Порш носился между машинами, пытаясь одним своим присутствием удержать всё в куче. Сначала к мехам – наклонился к тёмному провалу под брюхом фуры.

– Сколько ещё?

– Минут двадцать, если никто пальцы не отдавит, – отозвался голос из темноты, хриплый от пыли. – Мост почти собран, резину притянем и пойдёт.

Он двинулся к торгашам. Те жались по кабинам и под тенью фур, лица белёдые от пыли и шока. Один сидел прямо на дороге, прижав к груди автомат, будто что-то живое, что надо защитить. Порш схватил его за ремень и рывком поставил на ноги; тот дёрнулся, но не вырвался.

– Сопли вытер, купец, – сказал Порш ровно, без крика, и развернул его к пустоши. – Смотри туда.

Там, на краю видимости, очередная тварь поднялась на лапы и пошла хвостом по дуге.

– Видишь? Вот это придёт за твоей жратвой. А потом за тобой. Стрелять умеешь?

Торгаш слотнул и мотнул головой – вышло утвердительно.

– Тогда садись на борт, вон туда. Любое шевеление ближе тех камней – выстрел. Не геройствуй, не экономь, просто работай.

Он подтолкнул его к укрытию и пошёл дальше.

– Ты, – палец ткнул в широкоплечего мужика у второго грузовика, привалившегося к борту и смотревшего в никуда. – Тоже не декорация. Берёшь ствол, встаёшь к нашим. Вперёд не лезешь, но и в землю не врастаешь.

– Мы торговцы, – пробормотал тот. – У нас контракт был, сопровождение...

– Сопровождение твоё твари сожрали, – отрезал Порш и шагнул ближе, так близко, что тот почувствовал запах пота и пироцелиевой гари. – Теперь у тебя контракт новый. Называется выжить. Вопросы есть?

Мужик выдохнул, не нашёл что ответить и потянулся к оружию.

Над дорогой висело что-то неправильное. Никакого прорыва, никакого воя – только шорохи. Твари скользили по кругу, подбираясь чуть ближе, потом уходя за камни и снова появляясь в другом месте. Воздух пах горелым мясом и пироцелиевой гарью, и поверх этого сочился кислый запах, который люди пытались заглушить руганью и работой.

Ремонт шёл жадными рывками. Домкрат стонал, когда фуру опускали и меняли точку опоры, потом снова поднимали под следующее колесо. Мехи работали на автомате, руки делали своё дело отдельно от головы: содрать рваную резину, зацепить новую, протянуть болты крест-накрест. Пальцы дрожали, но времени жалеть себя не было.

С запада донёсся глухой рык. Не скорповый, что-то крупнее, у чего хватало массы на такой звук. Рык раздался один раз и оборвался, будто его придавили, но этого хватило, чтобы по спинам прошёл холодок.

– Слышали? – один из младших мехов обернулся, выпустив из рук ключ.

– Слышать не запрещал, – отозвался Порш сбоку. – А панику отставить. Работаем.

Он пересёк дорогу и проверил «автобус». Внутри уже перетаскивали раненых из каравана, уложили на носилки, закрепили ремнями. Один хрипел, пытаясь дышать сквозь боль, другой уплывал в серую муть под обезболивающим. Водитель «автобуса» вцепился в руль намертво и при виде Порша только коротко дёрнул шеей.

– Как только головная фура тронется, идёшь следом, – сказал Порш, опершись о дверной проём. – Никаких геройств. Твоя работа – дойти. В зеркало поглядывай, но не дёргайся, мы прикроем.

– Понял, понял, – выдавил тот.

Этот не был бойцом, бывший караванщик из тех, кто отлично вёл технику, но плохо переносил умирающих рядом. На дороге таких хватало.

Ещё одна тварь решила. Из песка показался сначала хвост, потом торс; она пошла низко, почти стелясь по щебню, к заднему колесу ближайшей машины. Стрелок с технички засёк её первым, дал две короткие – первая ушла выше, вторая опрокинула скорпа на спину как жука. Хвост с клешней дёрнулся пару раз, царапая воздух, и затих.

Круг подобрался ближе. Уже не сотня, ошутимо меньше. Но в лоб они так и не шли – то ли гарь сородичей сбивала, то ли ждали чего. Порш этого не понимал и пока не хотел понимать.

– Мост готов! – выдохнул голос из-под фуры. – Можно опускать, проверять.

– Опускайте и сразу на колёса, – бросил Порш. – Проверим на ходу.

Домкрат взвыл в последний раз, фура села на подвеску, колёса просели и приняли вес. Водитель чужого грузовика замер за рулём, не решаясь коснуться педали. Порш вскочил на подножку, распахнул дверь и ухватил его за ворот.

– Заводись, – сказал он тихо, почти без нажима, но так, что не послушаться было невозможно.

Где-то справа щёлкнула винтовка, за ней ещё одна. Хитиновое шуршание по периметру стало гуще – твари почуяли, что люди собираются уходить. Прорыв мог случиться в следующую секунду, а мог и не случиться вовсе, если хватит скорости. Порш ставил на скорость, потому что другого варианта у него не было.

Фура дрогнула, пироцелий в её недрах загудел, колёса медленно провернулись, цепляясь за разбитый асфальт. Люди подтянули ремни, стрелки плотнее вжались в упоры турелей, мехи сгребли инструмент обратно в техничку.

Колонна начала набирать ход – тяжело, со скрипом. Гул пироцелиевых блоков поднялся на тон выше, и громыхающее стадо потянулось прочь с проклятой площадки, оставляя пятна горелого хитина на асфальте.

Твари сначала попятнулись, растягиваясь цепью вдоль обочин. И стало ясно, чего они ждали.

Из-за насыпи, в стороне от трассы, вылетела она. Вдвое крупнее остальных, в их масштабе мегатварь: широкая в панцире, приземистая, с толстой рубленой клешней на хвосте, которая могла перекусить ось не напрягаясь. Она рванула за колонной, лапы замелькали по щебне так, что песок полетел веером, а следом за ней хлынули остальные.

– Вот сучара, – выдохнул кто-то в эфир, и в этих двух словах было всё.

Джипы ушли в хвост, перестраиваясь на ходу, легли клином между фурами и накатывающей волной, стволы развернулись назад. Скорости были почти равны: колонна ещё не успела разогнаться, твари только входили в раж. Стрелки работали короткими, вырубая самых наглых, подламывая лапы и вспарывая панцири. Но их было слишком много.

Мегатварь рыскала позади, не бросаясь в лоб. Она уходила то к одному борту, то к другому, прикидывая, где удобнее вцепиться.

И тут одна из фур начала захлёбываться. Сначала звук почти не отличался от общего гула, чуть глуше, но через несколько секунд стало ясно: двигатель уходит. Он ухал и давился чем-то внутри, пироцелиевый блок не получал топлива в нужном ритме. Машину повело, она пошла рывками, скорость начала падать. Пресс заклинило – что-то набилось в узел, и механизм отказывался работать.

– Твою мать! – Порш ударил ладонью по панели. – Технари, что там у вас?!

– Поршню крышка! – голос меха с той фуры перекрыл рёв моторов. – Закусывает, зараза, не продавливают!

– Достать его с капота можешь?

– Могу..., а толку? – мех сорвался на крик, в котором было больше отчаяния, чем злости.

– Ебни по нему ключом. Хуже уже не будет.

Боковая дверь фуры распахнулась, и из неё вывалился мех в засаленной спецовке. Ветер рванул его, пытаясь сорвать, но он удержался, вцепившись в ручку и закинув себя на подножку. Второй выскочил следом и ухватил напарника за пояс. Они полезли по узкой кромке к капоту прямо на ходу; колёса под ними прыгали по выбоинам, каждый удар грозил стряхнуть вниз. Сорвёшься – и полетишь либо под колёса, либо в лапы тварям, которые уже подтягивались к отстающей машине.

Крышку моторного отсека сорвали и швырнули в сторону, ветер закрутил её, как жестянку, и унёс на обочину. Изнутри пахло жаром и горелым маслом. Мех перегнулся через край и почти влез внутрь, к подвывающему прессу; в правой руке он сжимал тяжёлый гаечный ключ.

– Держу! – заорал второй, упираясь ногами в кромку так, что мышцы свело.

Ключ саданул по корпусу пресса. Глухой удар прорезал даже общий гул погони. Ещё раз. И ещё, с такой силой, что рука онемела до локтя. Где-то внутри что-то щёлкнуло, скрежет сменился ровным тиканьем, и пироцелиевый блок взял обороты. Фура дрогнула всем корпусом, выровнялась и снова начала набирать скорость.

– Вот так, сука, – буркнул мех, выползая на капот. Руки тряслись, лицо было серым от пыли. Напарник дёрнул его к кабине, пока ветер не сделал своё.

– Откуда топливо брали? – Порш вдавил кнопку рации. От его голоса даже сквозь треск эфира тянуло холодом. – Быстро. Пока я добрый.

– У рейдеров... купили, – проблеял кто-то из торгашей с той самой фуры. – Выгодно было... нормальное вроде...

– Долбоклюи, – Порш не кричал, но от этого слова стало только хуже. – Они же с подбитых корыт пироцелий перегоняют. В их топливе пол-Пустоши намешано. Там песка больше, чем в твоей тупой башке. И теперь этот песок жрёт ваши движки.

Кустарные фильтры рейдеров пропускали взвесь, и она набивалась в узлы, пока пресс не начинал закусывать. Люди не сдохли посреди погони из-за чужой жадности на пять монет.

Мегатварь тем временем сократила дистанцию. Пока фура замедлялась, она рванула следом, почуяв слабину; хвост с клешней уже почти касался заднего бампера. Но фура снова набирала ход, и джипы в хвосте не спали. Два ствола прочертили по дороге злые очереди, пули вонзились в панцирь, часть отскочила, часть вошла в мягкие щели между пластинами. Тварь качнулась, потеряла ритм, хвост обмяк и врезался в асфальт, оставляя за собой тёмную борозду. Не убило, разозлило, но дотянуться она уже не могла.

Колонна разгонялась. Скорпы не бегали быстрее двадцати пяти, а стрелка спидометра уже ползла к тридцати. Мегатварь отставала, дёргалась из стороны в сторону, пыталась срезать угол, но расстояние росло. За ней тянулся хвост из её свиты – они ещё бежали и скребли лапами по камню, только догнать уже не могли.

Колонна уходила прочь, захрипев, но не рассыпавшись. Движки ревели на повышенных, в хвосте ещё сухо хлопали выстрелы по последним мелким, что цеплялись за дорогу.

– Ну что, до Вулканиса? – торгош прохрипел в рацию. Голос всё ещё дрожал, хотя мотор под ним уже шёл ровнее.

– Куда вам Вулканис, отморозки, – Порш хмыкнул, почти весело. – Вы в таком виде до него не дотянете. Идём к нам на базу, там подлатаем, дадим нормальный пироцелий, дождётесь попутного каравана и прицепитесь. Иначе опять влетите в жопу, только уже без нас рядом.

Он чуть убавил голос, палец с кнопки не убрал:

– И ещё момент. За дело мы с вами пока не рассчитались. Самое время.

Оказанная услуга ничего не стоит – это Порш усвоил давно. Если дотянуть разговор до базы, торгоши отдышатся и начнут вспоминать контракты, прикидывать, как выкрутиться. А сейчас у них в ушах ещё стоял визг клешней и хрип умирающей рации.

– Мы... – голос на том конце попытался выровняться. – У нас оплата сопровождению уже прошла. Контракт, пломбы, печати – всё официально.

– Сопровождение твоё валяется в пыли, – отрезал Порш. – Печати там же, можешь потом собрать, если найдёшь что-то кроме костей. Сейчас ты жив, потому что мои люди сюда приехали. А мы не к городам и не к Гильдии.

Он дал эфиру тишины – только гул моторов и редкий одиночный выстрел, когда очередная тварь совалась слишком близко.

– И сколько ты хочешь? – спросил торгош, уже осторожнее.

– Фуру провианта и двадцать купюр, – Порш назвал цену ровно, как на базаре. – Грузовик оставите на ремонт у нас, на обратном пути заберёте. Или за две купюры пригоним в Вулканис сами. Он ещё километров тридцать проедет, не больше, потом ляжет.

На том конце повисла тишина, потом кто-то неудачно нажал тангенту, и половина мата всё равно ушла в эфир.

– Это... это грабёж, – выдавил торгош. – Мы и так людей положили, сопровождение сгорело. Фура и двадцать – мы после такого Гильдии сильно должны останемся!

– Грабёж – это когда я вас добиваю и забираю все три. Сейчас я предлагаю договор. Ты с людьми едешь дальше, с двумя машинами и крышей от каравана. Я беру своё за то, что выдержал вас из мясорубки. И не надо делать вид, что у тебя есть альтернатива.

– Полфуры и десять, – влез второй голос, поглубже. Старший. – Мы торговцы, а не банк Вулканиса.

Не визги, не мольбы – нормальный торг. Чувство уважения шевельнулось у Порша внутри, но он его придушил.

– Полцены я бы взял, если бы ты ко мне под стены сам прикатил и попросил мост подрихтовать, – ответил он. – А ты стоял среди скорпов, с рейдерским дерьмом в баках и одним джипом охраны на три фуры. Я рискнул людьми, техникой и репутацией. Это не «полцены». Могу сделать проще. Развернёмся, отведём вас назад, на то место, где подобрали. Расставим машинки как было. Дальше сами.

В эфире повисло тяжёлое дыхание, кто-то отчаянно выругался, кто-то закашлялся. Они прекрасно представляли картину – снова на трассе с потрёпанными движками, а твари уже запомнили вкус и место.

– Мужик, ты хоть и крутой, но не догоняешь, – старший торгаш попробовал ещё раз. – Отдать целую фуру не можем, вообще вилы. Нас Гильдия на воротах повесит.

– А что везёте-то?

– Альденский стандарт, что же еще? – неохотно ответил купец.

Порш помолчал и чуть сбавил нажим:

– Слушай внимательно. Я подбираю не первый караван и не последний. Если начну душить всех без разбора, через месяц обо мне будут шептать, что я хуже рейдеров. Мне это не надо. Моя цена – половина фуры провианта. Без купюр. Вылезли вы дорого, но это уже со скидкой, чтобы потом не орали в каждом кабаке, что Порш грабит спасённых.

– Полфуры и ремонт? – переспросил старший так, будто надеялся, что ослышался.

– Кустарный ремонт. Мастерских у нас нет, но подлатаем, чтобы доехали. И да. Вы дальше ходите по этой трассе, и вам понадобится тот, кто влетает сюда, когда всё идёт в жопу. А своих спасателей у вас нет. Как показала практика.

– Если мы в Вулканисе скажем, что ты содрал с нас...

– Скажете, что Порш вас вытащил. Что дорого, да. И что в Вулканис вернулись живыми, а не строчкой в списке пропавших. Так и рассказывайте.

В эфире хрипло хохотнул кто-то из своих и быстро заткнулся. На той стороне проглатывали.

– Ладно, – наконец произнёс старший. – Полфуры забирай.

Порш переключился на внутренний канал:

– Слышали. На базе выгружаем на дальний склад, половина пойдёт в обмен с местными, остальное в запас. С чужими ведём себя ровно, без понтов и наездов. Они заплатили – свои.

Он отпустил кнопку и глянул в зеркало. Колонна тянулась по разбитому шоссе, пыль оседала на капоты, грохот колёс заглушал последние шорохи эфира. Перемололи стаю, жратву взяли, имя не замарали – в Пустоши такой расклад случается нечасто.

До мёртвого города добрались под вечер. Побитая фура плелась едва на пятнадцати, быстрее её движок отказывался тянуть. Солнце уже клевало верхушки бетонных скелетов, тени растянулись между домами, превращая пролёты в тёмные колодцы. Машины втянулись под арки одна за другой: джипы, техничка, чужие грузовики, и в хвосте побитая фура, набитая ящиками под самую крышу.

Стволы у торгашей не отобрали. Толку от четырёх нервных купцов в бою немного, вреда тоже, а тридцать человек Порша не дадут чужакам шалить, пусть ходят с железом. Хоть в кабаке потом будут рассказывать, что «договорились», а не «разули».

Во дворе закрутилась привычная суета. Мехи погнали технику на верхнюю площадку, глушили движки, ставили блоки под колёса. В воздухе повис запах остывающего пироцелия и запёкшейся пыли. Пара бойцов пошла проверять периметр, остальные взялись за разгрузку. Первые ящики полетели из фуры в руки, металл глухо скрипел под ладонями. Кто-то присвистнул, заглянув внутрь, – альденский стандарт, плотные пайки на обмен.

Альдена кормила половину трасс. Её стандарт – выпаренная спрессованная мякоть, максимум калорий на минимум веса, густое хручево с разными вкусами, набитое жирами и всем,

что нужно телу. Для тех, кто живёт вдали от стен, это не еда, а топливо, на котором здоровье не сыплется.

Боеприпасы ушли, пару граников списали, на броне прибавилось вмятин – но половина грузовика провианта стояла теперь под их перекошенным балконом. По расчётам этого хватало, чтобы лагерь выдохнул на пару месяцев, и ещё на обмен оставалось – с местными, одинокими, со всеми, кто платит за еду стволами и хабаром.

Завтра по расписанию Гильдии шёл рейд из Альдены на Вулканис: тяжёлая колонна, охрана, застрахованный груз. Пойдут по их коридору, мимо мёртвого города; к этому хвосту он и пришлёт спасённых торгашей. Возьмёт сверху за проводку до точки встречи, за разговор с гильдейским старшим, за пару слов, которые откроют этим идиотам зелёный коридор вместо очередного спора на КПП. Монеты за воздух, но в пустоши это стоит дороже железа.

Порш стоял в проломе второго этажа, глядя на мельтешение людей и машин внизу. В нос бил знакомый набор: пироцелий, пот, металл. Лагерь жил, гудел голосами и лязгом – серая кривая нора, не вылизанный гильдейский терминал с пропускным режимом, но своя.

Когда-то он сам ходил под флагом. Год за годом смотрел, как Гильдия обрастает бумагой и печатями, как командиры рейдов становятся старше и тупее. Колонны вели те, кто хорошо лизал нужные места и назубок знал инструкции; худо-бедно получалось по накатанным маршрутам, с тройной страховкой, с запасом на всё. У вольных на трассе расклад был другой. Перевернутые фуры с дымом из-под капота, ремни с бурыми полосами в пустых кабинах. Частники пытались проскочить между рейдами, пока Гильдия грызлась внутри за квоты и приоритеты; кто-то разворачивался на полдороге, понимая, что не вытянет, а кого-то через неделю находили в кювете, обобранного до железа.

Сначала Порш тормозил у таких картин просто потому что мог, тащил на свой страх. Потом стал брать плату – мешок-другой товара на топливо и патроны. Потом понял, что если играть по гильдейским правилам, одиночки передохнут быстрее, чем наверху решат, кто за какой стол садится. Гильдия считала тонны и маршрутные листы, а он видел лица водил из-под разбитых козырьков, которые молча просили вытянуть ещё один рейс – чтобы дома детишки в Вулканисе не жрали пустую воду. В какой-то момент он перестал считать себя винтиком и решил, что лучше сам станет тем, к кому кричат в рацию, когда дорога уходит из-под колёс и лобовое заливают красным.

Сейчас, глядя на фуру под окнами, на живых, пусть и перепуганных, купцов и на своих в пыли и поту, он не жалел. Эти харчи пойдут не на гильдейский склад, где их пересчитают и впишут в графу, а на людей, которые завтра спасут еще кого-то.

Жили здесь как мыши в пустой стене. Генератор глушили до рассвета, никаких костров во дворе и огня в окнах. Весь город принадлежал чему-то, что шевелилось по ночам.

Ужас Ночи – так называли то, что вылезало из трещин, когда темнота густела до осязаемой плотности. Никто толком не видел этих тварей, не успевал. Поутру оставались только следы: разодранные туши скорпов, перемолотых походя; вывернутые наружу двери, через которые продавливались изнутри; борозды на бетоне, где что-то волокли или скребли. Они шли на свет, тепло и звук, и потому каждый вечер Порш обходил этажи, проверяя, чтобы ни один идиот не оставил щель – всё должно было быть закрыто листами железа наглухо.

На первом уровне, у лестницы, стояли растяжки: плоские коробки мин, примотанные к арматуре и присыпанные мусором. Одна ошибка с темнотой – и от незваного гостя останется мокрое пятно вместе с половиной пролёта. Выше, ближе к крыше, натянули проволоку с банками и гильзами: кто полезет сверху, разбудит полдома.

Порш поднялся на свой этаж и прошёл к пролому, откуда днём видел двор. Теперь внизу чернела площадка, машины слились в одну тёмную массу, угадывались только контуры. Над бетоном висел слабый запах остывшего пироцелия и недоеденной каши. Где-то укладывались

купцы; он отличал их по торопливым нервным шагам. Свои ходили тяжелее, не дёргаясь на каждый звук.

Он присел у стены, прислонился спиной к холодному бетону и позволил себе думать не о завтрашнем дне, а дальше.

Нужны были стены. Нормальные, высокие, с углами обстрела, а не эти выбитые коробки. Свой форпост, где можно держать свет всю ночь и не выманивать на себя полночную дрянь, где ворота закрываются не ржавой цепью, а секциями, выдерживающими таран.

В голове сразу всплывал вариант, о котором Порш знал чуть больше других. Разрушенный форпост в сотне километров от Вулканиса, по трассе к Альдене. Серая зона, ничья земля. Его по очереди занимали то рейдеры, то группы из города, но никто там не жил по-настоящему: без электричества и воды это была просто большая каменная коробка. Там, где Порш видел опорный пункт, остальные видели развалины и лишнюю головную боль.

А вот чего не знали даже в Вулканисе или предпочли забыть: лет пятьдесят назад там уже стоял живой форпост. Не удержался, его разодрали в клочья политические игры за трассу и пайки. Лет пятнадцать назад узел дёрнулся ещё раз, ожил буквально на месяц – снова появились стены, караул, сигналы; потом что-то пошло не так с рейдами и караванами, и без подпитки с дороги его тихо свернули.

Порш на всю жизнь запомнил один разговор в таверне Альдены, когда пацаном подрабатывал на кухне. В дупель пьяный тип в странной, непонятно откуда одежде, стоя на лавке, орал на всю залу, что «там БУДЕТ форпост, они ДОБЬЮТ», что уже завезли всё, что нужно. Что именно – Порш тогда не понял, но догадка засела: место давно подготовлено, где-то лежит замок, ждущий ключа. И если ключ всё равно кто-то вставит, лучше пусть это будет он сам.

Пока это были наброски, прикидки, которые он гонял в голове между рейдами в редкие минуты тишины. Здесь, в сломанных коробках, они жили дешево и постоянно под угрозой: один неудачный визит Ужаса, и от базы останется одно название. Форпост был бы шагом вверх и одновременно петлёй на шее – многие заплатили за такие мечты всем, что имели.

Снизу донёсся короткий свист, условный сигнал смены. Первая охрана выставлена: двое на крыше, двое у пролёта, один на связи. Остальные могли позволить себе несколько часов притушить голову.

Порш прошёл вдоль спящих. Кто-то уже отрубился прямо в разгрузке, не сняв ботинок, кто-то ещё ворочался, пристраивая под голову свёрнутую куртку. Он лёг в своём углу, где стены сходились буквой «Г» и давали хотя бы иллюзию защиты; положил рацию рядом, пистолет под руку, автомат оставил в вытянутую ладонь, чтобы можно было ухватить в полусне, не открывая глаз.

За разбитой стеной стояла плотная тьма, в которой могло ходить что угодно. Порш закрыл глаза и заставил себя уснуть.

Глава 2

Мечта

Караван Гильдии поймали заранее, по оговорённым меткам: в эфир ушёл сухой позывной лагеря, направление, короткое «свои». Командир колонны высунулся по пояс из люка броневика, оглядел их технику и фуру с купцами и только хмыкнул.

Холма Порш знал давно – ходил под его рукой ещё до того, как решил слезть с гильдейской цепи. Тёртый мужик, лишних вопросов не задавал. Торгашей быстро вписали в середину колонны, за руль их машин посадили гильдейских водил, которые знали коды прохода не понаслышке. Фактически купцов поведут до Вулканиса на ручках, чуть ли не под расписку.

Пока оформляли колонну, Порш отошёл с командиром одного из грузовиков к борту. Опёрлись спинами о горячий металл, переговорили быстро. Машина шла полупустой, а в Вулканисе сейчас с пайками туго; половину жратвы перегнали в его кузов контейнерами, без шума. Для командира это означало хороший барыш на той стороне.

– На обратке через пять-шесть дней пойду вольным, без конвоя, – негромко сказал он, поправляя ремень на плече. Бас звучал довольно, сыто. – Закину тебе полезного. Патроны, гранаты, железа немного. Встретиться бы.

– Давай так, – ответил Порш. – Через пять дней выйдем навстречу. В начале мёртвого города пересечёмся.

Рукопожатие, короткий обмен привычным матом, и караван потянулся к Вулканису. Спасённые купцы в середине строя, жратва в правильном кузове, всё как договаривались. Порш проводил колонну до гряды, пока пыль не съела последний силуэт, и развернулся к своим.

Следующие три дня провалились в тягучую бестолковую пустоту, и это было хуже любого рейда. Рейдов не было. Связь шипела привычным фоном, но никто не орал в эфир про засаду, не запрашивал коридор, не вываливался на обочину с оторванным колесом. Машины стояли на нижней площадке ровными рядами, памятниками самим себе. Мехи ходили вокруг, протягивали болты и проверяли уровни, но всё это было больше для вида – техника скучала, и люди вместе с ней.

Когда руки без работы, пустошь подбрасывает другую – в голову.

На четвёртом месяце жизни в мёртвом городе вопрос «может, ну его?» всплывал минимум раз в неделю. За кружкой травяной горечи кто-нибудь заводил издали – мол, слышал, в Альдене подсобники нужны, склады расширяют, берут всех. Другой вспоминал двоюродного шурина в Вулканисе, который обещал место в цеху, если вернуться пока не поздно. Остальные не спорили, просто крутили мысль, пробовали на вкус.

Это уже было не недовольством. Это было тихим гниением, которое начинается в людях, когда им не за что держаться.

В городах у многих оставались семьи. У одного жена с детьми в общежитии третьего сектора Вулканиса: две койки, занавеска вместо стены, очередь в сортир по утрам. У другого старики в альденском бараке, которые уже не помнят, когда сын обещал вернуться. Те, у кого никого не было, держались не легче – даже шесть квадратов с подтекающими стенами казались надёжнее, чем матрас на голом бетоне и слово «потом».

Пошли с Поршем по разным причинам, это он понимал отлично. Кому-то стало тошно от гильдейской возни, надоело смотреть, как наверху грызутся за маршруты и квоты, пока внизу перевёрнутые фуры гниют у обочины неделями. Кого-то выкинуло реформой, словил выговор на ровном месте и вылетел, а Порш предложил место в колонне с деньгами, едой и стволом. Несколько шли за ним лично – когда-то он вытащил их из такой же мясорубки, а долги в пустоши помнят долго. Остальные шли за заработком и за шансом получить что-то своё.

Каждому он говорил примерно одно и то же. Встанем на ноги, закрепимся, выйдем себе настоящий форпост, и будет у тебя дом. Своя комната в блоке или нормальный кусок в общезжитии, где дверь закрывается на собственный замок. Склад, стены, свет, паёк, зарплата.

На фоне городских реалий это звучало почти сказкой. Там люди ютились по углам и кочевали из подвалов в подсобки и в чужие комнаты «пока не найдёшь своё»; работа находилась только случайная – разгрузка, охрана на пару рейсов. У Порша была хотя бы перспектива вырасти из стрелка в человека, который живёт на собственной земле, а не из подсобника в старшего подсобника.

Но время брало своё. Четыре месяца без семьи выматывают любого, у кого когда-то был рядом живой человек. Сначала дело отвлекало: новые маршруты, первые спасённые караваны, бешеная суeta с обустройством базы; новизна перебивала всё. Потом устаканилось, и рутина съела азарт. И вот три пустых дня подряд, и мысли начинали грызть изнутри, как та мелкая дрянь, что прогрызала мешки с крупой.

Вопрос «когда мы встанем на ноги?» уже не задавали Поршу в лицо, но он висел в воздухе. Люди молча ковыряли ложками кашу, задерживались на одной точке вместо того, чтобы слушать инструктаж, чаще смотрели куда-то сквозь стену.

Своего угла в городах почти ни у кого не было. Жили у родственников и в забитых общагах, под лестницами, по двадцать соседей на этаж. И всё равно та тесная нищая жизнь теперь вспоминалась как «хоть что-то».

Форпост хотели все. Настоящий, с башнями, воротами, электричеством, чтобы не гасить к чёртовой матери каждую лампу на закате. Хотели – и четыре месяца без дома и без тех, кто ждёт, выматывали даже тех, кто считал себя полностью отрезанным от городов. Порш видел это по лицам, по тому, как чаще стали вспоминать своих, как в разговорах звучало «когда» и всё реже «если».

Вчера к нему подвалил старший, без лишних слов сел рядом на обломок плиты, вытащил самокрутку.

– Огня?

Порш протянул огниво; старший принялся сбивать искры в трубку, и через минуту пространство наполнилось тяжёлым дымом. Внизу по арке что-то шаркало.

– На будущее спрошу, – наконец сказал старший, не глядя.

– Валяй.

Отказывать этому старому воину всегда было тяжело, и Порш заранее знал, что просьба придёт.

– У меня дочка в Альдене, – он пустил дым в сторону пролома. – Муж у неё на станции. С электрикой работает, по щитам, по линиям.

Порш дёрнул бровью:

– И?

– Пьёт, – просто сказал старший. – Нервный, руку поднимает. Она пишет, терпит. Крыша, пайка, ребёнок – куда ей.

Он помял самокрутку пальцами, и табак посыпался на бетон.

– Вот я думаю... – он чуть усмехнулся. – Если совсем худо будет, приютишь?

Порш повёл плечами, осторожно потёр ладони:

– Ты сам ответ знаешь. Здесь и сейчас точно нет.

Старший хмыкнул, не обижаясь.

– Я и говорю – про будущее.

Порш посмотрел на него боком, на седые виски и чёрные от масла пальцы:

– Доживём до своего места, обживёмся, тогда тащи.

– Ладно. Будем считать, что ответ «да».

– Будем считать.

Следующий день не отличался от трёх предыдущих: тот же белый диск в зените, та же духота, тот же привкус пыли на губах. Люди вяло возились с железом, кто-то перебирал ленты, кто-то ради приличия протирал и без того чистые стволы.

Эфир ожил к полудню. Голос прорезал шорох – уверенный, ровный, но с тем надрывом, который не спрятать у человека, понимающего, что времени осталось на минуты.

– Спецрейс Вулканиса, сектор... – полетели цифры, чётко, по-боевому. – Идём под атакой, рейдеры. Нужна поддержка. До нас доходили слухи, что в этих краях есть люди, которые вытаскивают из сложных ситуаций. За плату.

Радист переключил канал на общий, не успев даже отодвинуть гарнитуру; Порш уже стоял рядом и перехватил микрофон.

– Тут те самые, – сказал он ровно. – Узел мёртвого города. Что за рейс, чем набиты, сколько стволов, сколько голов?

На том конце голос чуть изменился – появилось железо человека, который не просит, а ставит в известность:

– Говорит представитель Вулканиса. Спецрейс, грузы по открытому каналу не обсуждаем. Оплата по факту, прижали крепко. Город слово держит.

И без расшифровки было понятно: не очередная развозка пайков. Спецрейс, представитель, уверенность в том, что их должны вытаскивать – значит, где-то наверху уже решили, что Порш с командой здесь местные специалисты, которых можно дёргать как услугу. Кто-то навёл.

– Ладно, – проговорил он. – Выходим. За спасение колонны и проводку на безопасный коридор берём по полной. Торговаться будем на месте, если к тому моменту вы ещё будете разговаривать.

С той стороны не возразили, только короткое:

– Встречаем.

– Подъём! – рявкнул Порш, и здание вздрогнуло. – Все, кроме резерва, в железо! Быстро, сука, быстро!

Резерв оставили минимальный – несколько стволов на периметр и тех, кто мог подменить радиста. Остальные за пять минут превратились из скучающей толпы в боевую единицу. Лязг металла, тяжёлые шаги по лестницам, сухой треск затворов; внизу машины просыпались одна за другой, и рёв пиропцелиевых блоков заглушил голоса.

В этот раз вывели почти всё. Пятнадцать единиц, двадцать четыре человека: джипы с турелями, багги, пара тягачей с усиленной бронёй, технички. Даже старый «автобус» прогрели на всякий случай. Вытаскивать городское сопровождение – куда скользче, чем спасать частников от скорпов: если кого-то прижали из Вулканиса, там сидят либо серьёзные рейдеры, работающие по информации, либо ловушка.

Порш устроился в головном джипе. Пальцы легко лежали на руле, корпус чуть подался вперёд, и в голове крутилось одно – кто смог достать городскую спецуху. У рейдеров встречались банды, знающие маршруты, состав колонн и порядок охраны; могли и свои перестреляться, междоусобицы в пустоши никто не отменял, особенно вокруг спецгрузов.

Колонна шла на пятидесяти. Пыль стояла стеной, горизонт размывался в жёлтое марево, и только ближе к нужному километру воздух впереди изменился – потянуло гарью. Над горизонтом, там, где трасса уходила за гряды, поднимался дым: глухой, тяжёлый, чёрный по краям.

Порш поднял голову туда, где пустой край земли разорвала чёрная полоса. Дым тянулся вверх, рвался ветром в сторону, выдавая место бойни задолго до того, как можно было рассмотреть хоть одну машину.

– Хреново, – процедил он сквозь зубы.

По-хорошему надо было встать, развернуть машины, выслать багги на разведку и прощупать фланги – как учили ещё в гильдейских учебках: не видишь точку огня, не лезь. Только в эфире рычала боевая машина Вулканиса, шла следом и требовала не тормозить. Там тоже

люди, и каждый метр задержки для них – предательство. По-своему правы: пока пятнадцать машин выстраивают идеальный заход, рейдеры добивают раненых и выносят груз.

– Скорость сбросить, – бросил он в рацию. – Не клином. Рассыпаемся полумесяцем. Подходим широким охватом, чтобы не дать уйти. Джипы на флангах, центр не рвётся вперёд.

Колонна послушно расправилась. Машины перестроились на ходу: средние чуть замедлились, крайние растянули дугу, охватывая пространство вокруг разбитого спецрейса. Пыль легла широкой полосой, и их полумесяц двигался к месту бойни без подставленного коридора.

Дым расступился, и картина вскрылась целиком: пара горящих машин Вулканиса, тягач на боку, тела в броне, раскиданные вокруг. Между остовами мелькали чужие силуэты, пригнувшиеся и деловитые. Первые очереди отработали ровно – стрелки Порша поймали двоих на бегу, срезали коротко и точно. В ответ прилетели редкие щелчки, ничего серьёзного, и казалось, что это обычная разборка: неприятно и рискованно, но терпимо.

И тогда заговорил крупнокалиберный. Слева, на кромке каменной россыпи, вспыхнул короткий язык пламени, и воздух качнуло глухим «ту-ту-ту-ту», после которого обычно не остаётся ни капота, ни того, кто за ним сидел. Крайний левый джип дёрнулся, будто его пнули огромной ногой. Первая очередь отбила половину лобовой брони и вырвала кусок крыши, машину повело боком, стекло разлетелось в пыль, люк вывернуло лепестком. Крупняк не сбился – прошил корпус от носа до кормы, прошёлся по задним дверям и добавил, для верности. За пять секунд их укреплённое чудовище превратилось в дымящуюся грудку железа, где торчали обрывки ремней, ключья брони и тела, вдавленные в искорёженный каркас.

– ДЫМЫ, ЧЕРТИ! ДЫМЫ! – Порш гаркнул в общий канал так, что у радиста в ухо вогнало гвоздь.

На мгновение колонна замешкалась – рефлекс «сначала пострелять, потом думать» работал у всех, и не каждый мог его перебить. Но костяк, те, с кем он прошёл огонь и раскалённые стволы, среагировал без паузы. С бортов полетели дымовые шашки под колёса, к обочине и в промежутки между машинами; цилиндры ударились о грунт, зашипели, выплюнули густой белёсый туман. Пелена поползла по полю.

Крупняк на гряде сразу потерял ориентиры. Очередь ушла веером, срезала верхушку ржавого щита, цапнула обломки бетонного блока и растворилась в молоке, никого не задев. Колонну качнуло, но не остановило: под прикрытием завесы машины врубались в гущу, и дистанция схлопнулась до пистолетной.

Дальше пошла рубка вслепую. Силуэты возникали то рядом, то в трёх шагах, своих узнавали по мату и обводам шлемов. Автоматы хлестали короткими злыми отсечками, кто-то перешёл на одиночные, лишь бы не положить своих. Пули звенели о железо и секли воздух рядом с головой.

Один из джипов вынырнул из плотного облака и почти вписался в рейдерский пикап. Борта чиркнули друг о друга, людей швырнуло на капоты; чужой успел поднять ствол, но его срезали в упор – кровь размазало тонкой плёнкой по лобовому, и он ещё дёргался, когда машина рванула дальше.

Где-то слева кто-то орал в рацию нескончаемым потоком – сектора, координаты, «свой-свой-свой, не жги!» – пока всё это не оборвалось на полуслове. То ли микрофон, то ли самого оратора.

Вулканисовская машина в кашу не полезла. Порш заметил это краем глаза, пока выворачивал руль. Та самая бронекоробка, которая так подгоняла издали, на моменте атаки сбросила скорость, отстала и осталась плавать на безопасной дистанции. Сзади, в чистом воздухе, их броня смотрелась аккуратно и умно – и в то же время как трусливая псина за спинами чужой стаи.

– На убой нас, значит, – прошипел кто-то по внутренней связи. – Могли бы хоть предупредить про пулёмёт.

Порш уже сложил это в голове. Эти красавцы знали, что там сидит тяжёлый ствол, поэтому и держались так далеко: им нужен был заслон, мясо, которое примет первый удар.

В дыму чиркала очередь о очередь. Очередной рейдер нырял к земле бесформенным комом, кто-то из своих падал, хватаясь за живот или плечо, полз к машине, волоча ногу. Крики, мат, треск рации сливались в одну сплошную волну.

Багги попытался прорваться к гряде, откуда бил крупняк. Выскочил из тумана по обочине, ударил по вспышкам, пытаясь заставить расчёт пригнуться. Открытую раму изрешетили в упор с трёх точек; багги вильнул, ткнулся носом в камни и замер. Из него уже никто не вылез.

Рация захлёбывалась голосами:

– «Лиса», я слева от тебя, сука, не жги туда! Я свой!..

Один из рейдеров, потерявший машину, полз по песку голыми руками к колёсам, к ступням, к мёртвым телам с ещё полными магазинами. Его придавили колесом и добили в упор.

Люди Порша стянулись в кучу. Машины подсели ближе друг к другу, корпуса сомкнулись, стволы развернулись наружу – получилось что-то вроде железного ежа: джипы, техничка, пара тягачей, а между ними люди в пыли, с лицами, чёрными от копоти. Отстреливались по кругу, коротко и злым огнём, не давая рейдерам подползти.

Через десять минут вокруг лежали только тела.

Рейдеры кончились. На дороге валялись выброшенные магазины, россыпи гильз, чужие стволы, которые уже некому было поднять, и воздух дрожал от перегретого металла и пота. Дым, державший их под своей шапкой, начал редеть и рваться клочьями; сквозь просветы проступили камни гряды, остовы машин и тела в пыли.

Тишина легла на пустошь так, что заложило уши. И тут за серой полосой крупняк очутился. Сначала одиночный кашель, пристрелочный, ленивый. Потом ствол ожил по-настоящему – тяжёлая очередь прошла воздух над машинами, срезала клочья дыма, врубилась в мёртвый рейдерский пикап, расколов корпус как орех, и ушла дальше, в никуда.

– ДЫМЫ, ЖИВО! – рявкнул Порш в эфир.

– КОНЧИЛИСЬ! – отозвались сразу с двух машин.

– ОН НАС ТУТ ПОХОРОНИТ! – сорвался третий голос, перекрывая треск.

Сидеть и ждать, пока крупняк по одному вырежет всё, что торчит над землёй, было нельзя, а ни прикрытия, ни манёвра, ни времени уже не осталось. У Порша в груди что-то сжалось и стало холодно: вариантов ноль, остался только идиотский. Он дёрнул руль, разворачивая джип мордой к гряде.

– Держитесь, – бросил своим. – Идём за этим уродом.

Пиротелиевый блок под капотом взвыл. Усиленный трофейный с первого рейда, он выдавал мощность, на которую машина не была рассчитана. Джип сорвался с места и пошёл по дуге, лавируя между мёртвым железом и обломками. Очередь крупняка прошла чуть правее, взрыхлила грунт, посекала осколками борт технички позади; следующий заход уже шёл наперерез – расчёт понял, куда он рвётся.

Порш вогнал машину в безумный вираж. Джип метался по пустоши: рывок влево, срыв на кочке, уход вправо; колёса сорвались в песок, снова поймали сцепление и снова рванули. Пара тяжёлых пуль чиркнула по борту, одну увело по касательной, оставив рваный шрам в металле, другая пробила заднюю дверь насквозь и выбила внутри куски обивки.

Гряда росла впереди стеной. Асфальт кончился, под колёсами пошла россыпь, и любой нормальный водитель уже сбросил бы скорость. Порш не сбросил: притормозишь – крупняк поймает на ровном, превратит джип в консервную банку с мясом.

– Держаться! – выкрикнул он.

Машина влетела в каменную крошку с визгом, от которого заложило уши. Передок подпрыгнул, днище ударило о выступ, людей швырнуло вперёд, ремни врезались в грудь так, что

перехватило дыхание. Джип ударился о нижний уступ гряды, развернуло, чудом не опрокинуло через крышу; он сел криво, ткнувшись носом в камень, и замер.

Двери распахнулись, едва корпус перестал трясти. Экипаж вывалился наружу почти одновременно – через пороги, кто как – и перекатился в тень камней. Земля под ладонями была горячей, острые края впивались в кожу, колени ободрало сразу.

– Вперёд! – прохрипел Порш, поднимаясь на колено. – Берём штурмом.

До позиции крупняка оставалось несколько рваных бросков по камням, вверх, в лоб, под стволы. Пока джип ещё дрожал после удара, над камнями коротко рявкнул второй ствол правее по дуге; пули вгрызались в камень с сухим хрустом, лица обсыпало крошкой, и Порш вжался в выступ, пережидая очередь.

Повезло в одном: крупнокалиберный сюда не доворачивал, а автоматического железа у рейдеров не оказалось – старые винтовки и карабины, может, пара револьверов. По ним шли одиночные хлопки в том рваном ритме, когда каждая чужая перезарядка даёт лишнюю секунду подползти.

– Перебежками! – хрипнул Порш. – Один давит, двое идут!

Они ушли в сторону, цепляясь за каждую складку камня. Короткий рывок, осыпь под сапогами уходит вбок, тело шлёпает о горячий камень, вдох, два выстрела по стволам наверху, и снова вперёд. Винтовочные пули били по гряде серыми фонтанами, но не ложились плотной сеткой и не прижимали окончательно – огонь был злой, только слишком редкий.

До первой позиции добрались на расстояние броска. Порш сорвал гранату с разгрузки, стянул чеку, зажал металлический цилиндр в ладони. Раз. Два. Три. Корпус грелся в руке, секунды растягивались. Короткий замах, и граната исчезла за каменной губой, прямо к первой линии обороны крупняка.

Взрыв ударил глухо, с коротким эхом. Следом донёсся визг, потом захлебнувшийся крик, оборвавшийся на середине; в общем грохоте боя этот звук едва различался, но по тому, как сопротивление смолкло, всё стало ясно.

Порш не стал ждать. Он вытащил свою игрушку – старый пистолет-пулемёт, которому место скорее в музее, чем в пустоши: вытертое воронение, царапины на кожухе, тяжёлый и неудобный по современным меркам. Боеприпасы под него давно не производили, и Порш собирал их по крупнякам, выменивая через знакомых оружейников. Зато на короткой дистанции эта штука превращалась в зверя – длинный магазин, бешеная скорострельность, и пока шёл огонь, всё впереди превращалось в рваное мясо.

Пальцы привычно проверили защёлку магазина, рывком отвели затвор. Металл ответил сухим звоном.

– Пошли, – бросил он своим.

Они влетели в пролом, где стоял пулемёт, как нож в щель. Внутри всё было залито осколками и кровью. Один рейдер лежал на спине, обнимая руками разорванный живот, пальцы ещё скребли по камню в бессмысленном рефлексе. Второй висел на камне, половина головы размазана по щиту за его спиной. Порш оглядел нору и убедился, что живого здесь больше нет, и сразу двинулся дальше, к следующему уступу.

За ним начиналась линия рейдерских укреплений: кучки камней, выбитые в грунте ямки, наспех сложенные гнёзда. В каждую такую нору кто-то ещё пытался засунуть винтовку или что под руку попало и огрызался вслепую – сдаваться здесь было не принято.

Их оставалось немного, но они ещё дышали. Порш врезался в их линию.

Первого, кто высунулся с карабином, он встретил очередью в грудь. Пистолет-пулемёт взвыл, выплёвывая короткий плотный язык огня, и рейдера отшвырнуло назад, ствол вылетел из рук, по камню побежали тёмные брызги. Второй успел выстрелить из револьвера – пуля ушла в камень рядом, обдав лицо крошкой, – и тут же получил целую струю в ответ; пыль и кровь смешались, револьвер со звоном отлетел на щебень.

Граната ушла в следующее углубление. Там кто-то пытался перезарядиться, слышно было, как матерится сквозь зубы: застряла гильза, не идёт. Взрыв оборвал ругательство на полуслове, и наружу полетели куски ткани и металла, осыпая каски мелким сором.

Боеприпасы таяли с чудовищной скоростью. Ствол уже дышал жаром сквозь кожух, отдача била в кисть мелкой непрерывной дробью. Порш не задерживался в проёмах – бросок вперёд, короткая очередь в просвет, ещё шаг, ещё очередь. Если за камнем кто-то шевелился, граната дополняла, забывая паузы между выстрелами. Где проход сужался до щели, он не лез грудью, а прижимался спиной к стенке и выливал в просвет остаток магазина вытянутой рукой, вслепую. Оттуда в ответ летели редкие ошалелые хлопки револьверов, но с каждым разом всё слабее.

Его люди шли следом, прикрывая спину и дочищая винтовками тех, кого он оставлял за собой. Один раз почти в ухо хлопнул карабин: кто-то из своих чуть не прошел Поршу плечо, пытаясь достать фигуру в тени за его спиной. Короткий мат, тычок кулаком в шлем, и дальше – разбираться некогда, потом.

Один из пулемётчиков оказался живым. Шатаясь, он попытался развернуть ствол, опустить его ниже, поймать Порша на подходе. Пальцы путались в ленте, замятый короб не шёл, металл скрежетал о металл. Порш подскочил к станку и выстрелил в упор по рукам – клочья кожи разлетелись в стороны, ствол бессильно просел. Гранату бросать уже не стал, просто ногой отвёл пулемёт и дал короткую очередь в грудь, чтобы наверняка.

Магазин сухо щёлкнул. Порш отступил в тень, опёрся плечом о скалу и ловко, не глядя, сменил его; по пальцам бежал чужой пот вперемешку с пылью и чем-то липким. Рывок затвора, и машина ожила снова.

Бой занял не больше двадцати минут, может, чуть дольше – внутри времени не существовало, только рваные куски: вспышка, шорох камня под сапогами, звон гильз по уступам. Когда очередной хлопок не получил ответа и эхо затихло, остались только тяжёлое дыхание своих да глухие стоны где-то внизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.